РУССКОЕ НАСЛЕДИЕ

Выпуск №8 (Январь/февраль 2019)

“РУССКОЕ НАСЛЕДИЕ В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ”

Лондон, Великобритания

Александра Гамильтон, герцогиня Аберкорнская (1946-2018)

Преждевременная утрата (стр. 12)

Содержание:

Александр Трубецкой
Как пытались спасти царскую семью 3

Елена Архипова
Лев Толстой и Англия 11

интервью с Н.Д. Лобановым-Ростовским
Преждевременная утрата.
Александра Аберкорнская 12

интервью с прот. Максимом Никольским
“Необыкновенный епископ”
Василий Родзянко 13

Оксана Карнович
Русские традиции в английском
Королевском балете 17

Софья Кудрина
Вернемся домой 22

Мария Львова
О важности понимания своего
происхождения. Семейная хроника 26

Елена Дубровина
Путь к свету. Надежда Городецкая 30

(На обложке: Александра Гамильтон, герцогиня Аберкорнская. Фото - The Irish News)

Уважаемые читатели!

Через всю работу “Русского наследия в Соединенном королевстве” красной нитью проходит тема поиска своих корней и национальной идентичности, которая, будучи уникальным продуктом истории, влияет на каждого из нас и, одновременно, остается частью единого многонационального организма современной цивилизации.

Русский мир, центром которого является Россия - уникальное культурное пространство. Его история складывается из истории отдельных людей, переплетения их судеб, мнений, поступков, жизненного выбора, влияния обстоятельств. В этом номере мы посчитали важным обратиться к вопросу знания истории своей семьи, составления генеалогического древа, опроса старших в роду. Знание семейной истории качественно меняет жизнь человека: он узнает не только о своих предках, но лучше понимает самого себя, строит более тесные отношения со своими детьми как продолжателями рода, узнает историю своего Отечества через судьбы дедов и прадедов.

Юлия Пляукшта, главный редактор журнала “Русское наследие”

КАК ПЫТАЛИСЬ СПАСТИ ЦАРСКУЮ СЕМЬЮ

Александр Трубецкой. Свидетельство участника... Публикуется с разрешения автора

Александр Евгеньевич ТРУБЕЦКОЙ, после ускоренных офицерских курсов и Николаевского Кавалерийского Училища, служил с 1915 г. офицером Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка.

Князь А.А. Трубецкой (Фото - http://imperial.ludvignobel.ru)

В конце 1917 г. он вступил в одну из офицерских организаций против большевиков. В начале 1918 г. участвовал в попытки спасения царской семьи. В 1930-х годах Александр Евгеньевич рассказал эту экспедицию в журнале «Часовой», который издавался в эмиграции во Франции.

Публикуется с разрешения князя А. А. Трубецкого

Было, как известно, несколько планов и попыток спасти Государя Императора Николая II с семьей из рук большевиков.

В одной из таких попыток мне пришлось участвовать не в роли инициатора или организатора, а в скромной роли рядового исполнителя. Обстоятельства, равно как и несовершенство плана, не позволили привести его в исполнение. Важен, однако, самый факт, что план такой был, что он начал приводиться в исполнение, что на него откликнулись многие, как из военных, так и из штатских, что нашлись люди, готовые на все, чтобы спасти своего Государя и согласно присяге послужить Царю и Родине.

Не их вина, что их надеждам не суждено было исполниться, а труды и риск пропали даром.

Конечно, даже когда выяснилась неосуществимость плана и дело пришлось оставить, все мы, участники, были связаны тайной, малейшая неосторожность в слове могла не только повредить нам самим, но и стоить жизни царской

семье, во всяком случае, ухудшить условия ее заключения и затруднить другие попытки ее спасения. После же гибели царской семьи тайна должна была быть сохранена ради нашей собственной безопасности. Даже теперь, спустя 14 лет, о многом нельзя еще писать, нельзя называть многих лиц, участвовавших в этом деле или имевших отношение к нему, так как один находятся в пределах СССР, другие имеют там родственников. В то же время многое начинает изглаживаться из памяти: забываются главным образом даты, места, в которых приходилось побывать тем или иным участникам, роль и работа каждого, последовательность действий.

Многие, как из участвовавших, так и из слышавших о нашей попытке, не раз убеждали меня написать, пока не поздно, воспоминания о нашей поездке в Сибирь и об организации дела.

Вот я и приступаю к описанию того, чему сам был свидетелем, и того, о чем слышал.

Я не первый пишу об этом. В «Архиве русской революции» (т. XVII , с. 280-292) есть статья К. Соколова — «Попытка освобождения царской семьи». Из нее узнаем, что в декабре 1917-го — феврале 1918-го Ротмистр Соколов с двумя офицерами был командирован в Тобольск для разведки, подготовки освобождения и вывоза царской семьи. Он описывает главным образом свою работу. Я же принадлежал к другой группе, у нас были другие задания, и действовать приходилось в других местах.

Итак, в конце сентября 1917 года на фронте мои подчиненные выразили мне доверие, и я, покинув свой родной Лейб-Гвардии Конно-Гренадерский полк, поехал в Москву. Там меня застало выступление большевиков, и, добровольно явившись в Александровское военное училище, я участвовал в городских боях с ними.

Тогда в Москве стали формироваться и конспиративные офицерские организации для борьбы с большевиками. Была довольно развитая, насчитывающая много членов организация Бориса Савинкова, в которую входили офицеры всевозможных политических оттенков, не исключая и монархистов, не всегда знавших, кто их возглавляет. Была и организация чисто монархическая: впоследствии она вошла в связь с Добровольческой армией на юге России. Меня туда привлек мой большой друг Ротмистр Сумского полка М. Лопухин, расстрелянный большевиками летом 1918 года. Хотя по личному доверию ко мне он назвал имена некоторых лиц (генералов), возглавлявших организацию, но по условиям конспирации я был подчинен непосредственно лишь Лопухину. От

него я получил задачу завербовать группу офицеров-монархистов, заслуживающих полного доверия, и быть начальником этой группы. Впоследствии — уже после описываемой поездки в Сибирь — организация стала делиться на десятки, пять десятков сводились в отряд и каждый рядовой член организации знал лишь свой десяток и начальника своего отряда. Я командовал десятком. Но в описываемый период организация, помнится, еще не оформилась в правильные единицы. В моей группе было около 10 человек. Работы не было никакой, но мы держали связь и готовы были выступить при первой же возможности по приказанию начальника.

В начале января 1918-го ко мне пришел Лопухин и объявил, что существует план вывоза из Тобольска Государя, Наследника и всей царской семьи. Государь дал свое согласие на вывоз семьи, во всяком случае, отрекается от престола, но не хочет покидать пределы России и не желает расстаться с Наследником. Оба они должны быть скрыты в самой России, а Государыня и Великие Княжны будут вывезены за границу, в Японию.

Инициатива этого плана исходила не от военной организации, в которую мы входили. Инициатором был присяжный поверенный Полянский. Он будто бы заручился поддержкой видных государственных деятелей и французского посла, также обещавшего поддержку — как моральную, так и материальную.

План же действия был таков. Отряду гардемаринов, состоящему в организации, предстояло прибыть в Тобольск с подложными бумагами якобы на смену караулу при царской семье. Если караул откажется смениться, гардемаринам следует применить силу. Затем Государыню и Великих Княжон увозят на восток, в Японию, а Государя и Наследника на лошадях доставляют в Троицк, в область Оренбургского Казачьего войска. Они едут туда инкогнито: Государь — бритый, в качестве французского гувернера при мальчике из богатой семьи.

Троицк согласно этому плану считался верным местом. Оренбургское Казачье войско большевиков якобы никогда не признает и не пустит — настроено оно монархически. Но при Государе и Наследнике все же должна состоять негласная охрана из верных офицеров в числе 10-12 человек. Роль этой охраны поручалась Лопухину, а он предложил уже мне выбрать из моей группы 5 человек (другие пять выбирались из другой группы). Ввиду того что план спасения царской семьи исходил не от нашей военной организации, участие каждого из нас не считалось обязательным. О плане нам сообщили лишь в самых

общих чертах, и каждый должен был решить по совести — верит он в это дело или нет, а также считает ли себя на него способным.

Надо сказать, что ответственность в таком решении была огромна. С одной стороны, естественно сомнение: не является ли весь этот план провокацией, легкомысленной авантюрой, которая без всякой пользы для дела может стоить жизни не только каждому из нас, но и тем, кого предстояло спасти, уберечь. С другой стороны, понятно, что каждый из нас, рядовых участников, только и мог принять на веру слова своих непосредственных начальников, понимая важность конспирации.

Выезжать нам предстояло через три дня, 10 января, и я тотчас же приступил к вербовке офицеров из своей группы. Говорил с каждым совершенно откровенно, предупредил как об ответственности решения, так и о личной опасности, которая могла грозить. И вот группа в сборе — вместе со мной шесть человек. Для большей осторожности ехать решено было в разные дни и разными маршрутами. Четверо со мной выезжали 10 января, а двое — 11-го. Наш маршрут — через Вятку, Пермь, Екатеринбург, Челябинск. А Лопухин с группой ехали через Уфу и Оренбург. Он снабдил нас чистыми отпускными удостоверениями с печатями от двух воинских частей — осталось только вписать имена, фамилии и вымышленные подписи командира да адъютанта части. Чины большевиками были отменены, но на удостоверениях в ходу были звания — «бывший поручик», «бывший капитан» и т. д. Офицерские чины тогда скрывать ещё не приходилось, да и трудно было бы их скрывать — внешний вид еще резко отделял нас от «товарищей».

Отправление состоялось 10 января с Ярославского вокзала. Классных вагонов не было. Мы забрались в теплушку и поехали бесплатно. Помню, нам удалось занять места на верхних нарах — там и теплей, и лежать можно было. К отходу поезда набрался полный вагон солдат и мужиков, так что внизу была страшная давка.

Понятно, к нам нарастало недружелюбное отношение : «Буржуи эти как наверху устроились. Вторую ночь дрыхнут, а нам не то чтоб вытянуться, а и сидеть тесно», «Тащи их за ноги оттуда». Один уже было схватился за сапог кого-то из нас, и дело могло обернуться нехорошо, но выручил случай. Кто-то вступился за нас : «Брось, землю мы у них отобрали, так уж пусть дрыхнут…» «А может, у этих и земли никакой не было?» — уже неуверенно откликнулся зачинщик и, потеряв задор, успокоился. Мы были спасены. К нашему привилегированному положению привыкли, а на третью и следующие

ночи места уже были крепко за нами — по праву давности. Вошли мы и в общую жизнь теплушки : несли дежурства по погрузке дров, топке. Справки у железнодорожников о времени стоянки и о надежде на получение паровоза тоже лежали на нас. От Москвы до Екатеринбурга мы ехали не то пять, не то шесть дней, от Екатеринбурга до Челябинска — еще день и ночь. На железных дорогах царствовал неимоверный беспорядок. Поезда, идущие на восток, были забиты. Не хватало ни исправных паровозов, ни железнодорожного персонала. На иных станциях в ожидании паровоза приходилось стоять часами.

И вот рано утром, кажется, 17 января мы прибыли в Челябинск. Отсюда было совсем недалеко до Троицка — места нашего назначения, и мы рассчитывали, что там уже не будет большевиков. Но на вокзале из случайного разговора узнали, что и Троицк еще в день Рождества взят большевиками. Казаки перепились, местные же большевики этим воспользовались, обезоружили их и захватили власть.

Такое вот было то верное место, где хотели укрыть Государя и Наследника. Ясно, что весь план рухнул. В то время непосредственной опасности для жизни царской семьи еще не было, но такая легкомысленная попытка ее спасения повела бы к верной ее гибели. Предстояло остановить исполнение плана. В то же время основываться на одном случайном разговоре, хотя и весьма правдоподобном, судя по окружающей нас обстановке, мы не могли. Поэтому, подумав, решили ехать до станции Полетаево, от которой отходила ветка на Троицк. По прибытии туда у нас уже не могло оставаться никакого сомнения по поводу большевиков: всюду царила советская власть, а о Казаках Дутова и не слышно было. Пришлось дать в Москву телеграмму : «Цены изменились, сделка состояться не может».

Нам было известно, что в Троицк еще задолго до нас поехали два квартирьера, чтобы все наладить к нашему приезду и к приезду Государя и Наследника. Надо было выйти с ними на связь, сообщить о нашем прибытии, но никто из нас не знал квартирьеров в лицо. Кроме того, требовалось встретить офицеров — Сумских Гусар, тоже мне лично незнакомых. Они ехали группами по три человека и в Полетаеве должны были пересаживаться.

Просидев на вокзале целый день, вечером я вышел к поезду и увидел трех офицеров в одинаковых защитных полушубках кавалерийского образца. Сразу решил — они. Подхожу и спрашиваю : «Простите, вы не с Лопухиным ?» «А вы не Князь Трубецкой ?» — последовал ответ. Один из вновь прибывших сменил меня на станции

для встречи членов своей группы, а мы поехали в Челябинск, где и разместились по гостиницам. Хорошо, что ЧК в то время была только в зачатке и не обладала еще всеведением и всевидением. На нас никто не обращал внимания. Наши дежурства на вокзале проходили совершенно незамеченными, да и некому было за этим смотреть.

Не помню, через день или через два все собрались в Челябинске. Приехал и Лопухин, и мы принялись вырабатывать дальнейший план действия. Если старый план провалился, то это еще не значило, что от спасения царской семьи следовало совсем отказаться. После некоторых раздумий и прикидок решено было снять квартиры в разных городах Сибири и северной России, где временно, конечно инкогнито, могли быть скрыты Государь и Наследник. Мы надеялись, что впоследствии все же удастся уговорить Государя выехать за границу или, как думал Лопухин, скрыть его в сибирских старообрядческих скитах.

Но пока что нужно было отыскать членов нашей организации, находившихся в Тюмени и Тобольске. В Тобольске были три офицера Сумского Гусарского полка вместе с Ротмистром Соколовым, а в Тюмень, незадолго до нашего отъезда из Москвы, выехал В. С. Трубецкой, но он скрывался под вымышленной фамилией — Чистов. С ним для поручений и доставки донесений следовал 16-летний вольноопределяющийся Н. Г. Лермонтов. В задачу Чистова входила встреча Государя и царской семьи после ее освобождения. Затем он должен был снабдить паспортами и сопровождать до Троицка Государя и Наследника.

Квартиру в Перми мы нашли без труда, и меня вызвалив Тюмень. Там собралось немало наших. Лермонтова, правда, я уже не застал — он уехал в Москву с донесениями от Чистова и Лопатина. И вот было решено одного из нас направить в Ялуторовск для снятия квартиры в том местечке. Безопаснее всего было бы везти царскую семью в направлении на Ялуторовск, пустив для отвода глаз несколько троек по направлению к Тюмени. От Ялуторовска на лошадях предполагалось ехать в Курган, так как поиски в первую очередь, естественно, начали бы вести по северной ветке Сибирского пути. Вот эти конные тракты нам и нужно было исследовать.

С весьма интересными рассказами вернулся из Тобольска Чистов. Он отыскал Соколова с его товарищами, которые уже долго жили в Тобольске и многое знали как об условиях жизни царской семьи, так и об их карауле. Они считали, что внезапное нападение на караул могло иметь все шансы на успех и что одновременно, уничтожив телеграф,

можно было бы задержать тревогу, погоню и поиски. Чистов ходил к дому, где жила царская семья, через забор видел Наследника, Великих Княжон, катавшихся с ледяной горки. Перед отъездом он решил еще раз встретиться с Соколовым, но на квартире у него застал караул : офицеры были арестованы, и караул задерживал всех приходивших к ним. Чистова допросили, по какой причине он явился, но он сразу нашелся, что ответить. Из Тобольска в Тюмень регулярных рейсов не было, одному же нанимать ямских лошадей было дорого — вот ехавшие обычно и подбирали попутчиков. Чистов и сослался на эту легенду. Ему, в свою очередь, придумали не менее увлекательную историю о его предполагаемых попутчиках : они якобы ограбили женский монастырь, а потому и арестованы. Так что все обошлось. Чистова благополучно отпустили, и вскоре он тоже уехал с донесением Лопатина и личным докладом в Москву.

В то время в Тобольске городом правил Совет рабочих и солдатских депутатов, а охрана при царской семье была прежняя, назначенная Временным правительством. Когда на смену им прибыла новая охрана, в городе шла борьба между старой и новой властью. Этой анархией арестованные воспользовались, им удалось привлечь на свою сторону болыпевицкие элементы, и во второй половине февраля они были освобождены и благополучно вернулись в Москву.

Не имело смысла оставаться в Тюмени и нам. Наше там пребывание в конце концов могло обратить на себя внимание. Так что в ожидании приказаний из Москвы мы переехали в Екатеринбург.

За время нашей поездки в гостиницах, а иногда и на вокзалах мы неоднократно подвергались обыскам. Красногвардейские патрули искали и отбирали у проезжих оружие, но обыски те велись крайне примитивно. В Челябинске, например, мы сидели в буфете по ту и другую сторону длинного стола, а чемоданы лежали под столом, у наших ног. Пока патруль производили осмотр с одной стороны, ногами мы передвигали чемоданы на другую сторону, затем ту же операцию проделывали обратно. Изобрели мы и новый способ хранения оружия. Во всей Сибири тогда было изобилие хлеба, продавали его огромными караваями. Вот мы и решили хранить револьверы в хлебе. В корке, обыкновенно снизу, делался вырез, мякоть вынималась из середины и туда прятался револьвер, а вырезанная корка прилаживалась на место. Этот способ давал блестящие результаты. В том же Челябинске, в гостинице, в Тюмени и в Екатеринбурге нас не раз обыскивали по ночам, но никому, конечно, не приходило в голову

трогать хлеб.

Не помню точно числа, но в середине февраля из Москвы пришла телеграмма, отзывающая нас обратно. При сложившейся обстановке и тех средствах, которыми располагала организация, задача освобождения царской семьи оказалась неосуществимой и миссия наша считалась оконченной. Мы тронулись в обратный путь. Так безрезультатно окончилось задуманное предприятие.

Да, бесплодна была та поездка, но не наша тому вина. При основательной и правильной постановке дела — я и сейчас в этом уверен — спасение царской семьи было бы вполне осуществимым. Освобождение ее и вывоз из Тобольска представлял и не самую трудную часть задачи. Главная трудность заключалась в том, как скрыть и сохранить спасенных. Для этого нужна была, конечно, более солидная организация, большая подготовительная работа, хорошая осведомленность, а главное, как правильно указывал в своей статье Ротмистр К.Соколов, деньги, деньги и деньги. В рядовых исполнителях задачи недостатка не было.

Увы, результатов мы не достигли. И все-таки у всех осталось хорошее воспоминание о пережитом подъеме духа и сознание того, что мы на деле проявили готовность послужить своему Государю и остались верными данной ему присяге.

Royal Russia: The Private Albums of the Russian Imperial Family" by Carol Townend. 1995.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И АНГЛИЯ

Елена Архипова

Лондон 1860-х годов (Фото - Государственный музей Л.Н. Толстого)

Толстой побывал в Англии во время своего второго путешествия в Европу в марте 1861 года. Целью его поездки было знакомство с системой английского образования, элементы которой он собирался применить в своей педагогической деятельности. Впечатления о поездке в Англию Толстой выразил в своих статьях «Об общественной деятельности на поприще народного образования» и «О народном образовании».

Поездка в Англию вылилась у Толстого в общее знакомство со страной, которую он называл «самой образованной» в Европе, высоко оценивал уровень развития в ней науки и культуры, восхищался английской литературой: Стерном, Филдингом, Дефо, Свифтом, Диккенсом (лекцию которого о воспитании ему удалось послушать в Лондоне), Теккереем, Шарлоттой Бронте. В Лондоне он встречался и говорил с Александром Ивановичем Герценом, жившим здесь в изгнании. Впечатления от увиденного в Англии он долго сохранял в своей душе. Даже через пятнадцать лет после этой поездки он писал в одном из своих писем: «В Европе мне кажется, я мог бы жить только в Англии».

И вместе с тем Толстому была глубоко чужда хищническая и ханжеская мораль викторианского общества с ее аффектированным практицизмом, нацеленным только на личное обогащение и преуспеяние, холодный расчет и жесткость, доходящая до бездушия, презрение к другим нациям и безжалостная эксплуатация «рабочего народа» и в самой Англии, и в многочисленных английских колониях. Отдавая должное развитию демократии в этой стране, он искренно возмущался царящими здесь нравами: «Неужели, это то равенство, за которое пролито было столько невинной крови и столько совершено преступлений?».

По материалам Государственного музея Л.Н. Толстого

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ УТРАТА. АЛЕКСАНДРА АБЕРКОРНСКАЯ (27 ФЕВРАЛЯ 1946 - 9 ДЕКАБРЯ 2018)

О том, какой осталась Саша Аберкорн в воспоминаниях кн. Н.Д. Лобанова-Ростовского беседовала Юлия Пляукшта

Ю.П.: Никита Дмитриевич, 9 декабря из жизни ушла Александра Анастасия Гамильтон, герцогиня Аберкорнская, Саша Аберкон. Каким было Ваше с ней общение?

Н.Д.Л-Р.: На протяжении 40 лет мы периодически встречались с ней на светских приемах, а также на общественных мероприятиях, связанных с Россией. Она создала The Pushkin Trust, через который привлекла значительные средства на помощь детям из России.

Ю.П.: Какие ее черты Вам казались наиболее яркими?

Н.Д.Л-Р.: Она была щедрым человеком, которая давала доброту, средства, энергию и то, что нужно для данного мероприятия.

Ю.П.: Пересекались ли вы как меценаты или коллеги? Принимали участие в одних и тех же проектах?

Н.Д.Л-Р.: Нет, мне не приходилось принимать участие в ее проектах, ибо у меня было достаточно своих, связанных с русской живописью и историческим наследием. В совместных проектах мы не участвовали.

Саша Аберкорн (Фото - www.peoples.ru)

Ю.П.: Какой Саша останется в Вашей памяти?

Н.Д.Л-Р.: Обаятельной, доброжелательной женщиной с высоким интеллектом, развитым социальным сознанием ответственности и возможностями, которые ей давались по праву ее статуса в Высшей британской аристократии. Своей общественной и меценатской деятельностью она сделала более, чем кто-либо среди британцев на ниве служения России и Британии.

Ю.П.: Спасибо, Никита Дмитриевич. Какая большая утрата для нас всех…

Н.Д.Л-Р. Да, большая. И преждевременная…

“НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЕПИСКОП” ВАСИЛИЙ (РОДЗЯНКО)

Интервью с прот. Максимом Никольским, клириком Успенского собора Сурожской епархии, г. Лондон. Беседовала Юлия Пляукшта

Ю.П.: Как состоялась Ваша первая встреча с епископом Василием Родзянко? Каковы Ваши впечатления от общения с этим выдающимся человеком?

Отец М.: Впервые я увидел священника Владимира Родзянко, когда был простым мирянином, работал учителем, и, если я не ошибаюсь, это было в Сербской церкви, потому что он служил там. Тогда он был еще священником Владимиром. Конечно, я больше знал о нем через его детей, в первую очередь его сына Владимира [от ред. - проверить имя сына не удалось], а также через тех людей, дети которых учились у матушки Марии. Об отце Владимире я знал и как о человеке, который вел регулярные передачи на радио, вещавшем на Советский Союз. Был довольно большой промежуток времени, когда я его не встречал, потому что жил не в Лондоне и редко бывал здесь, но очень памятная, хотя и короткая встреча, произошла в 1991 году. В Советском Союзе уже была гласность и перестройка. Российское правительство пригласило россиян и бывших

Протоиерей Максим Никольский (Фото - http://www.russianorthodox-church-dorsetuk.org)

соотечественников посетить страну, в том числе пригласили и меня, хотя до этого долгое время мне невозможно было попасть туда, потому что мне не давали визу. Там, когда случилась эта встреча, происходили августовские события 1991 года – путч ГКЧП. В той поездке я встретился уже не

с отцом Владимиром, а владыкой Василием Родзянко. Я его не видел несколько лет, и он показался мне выше, чем был раньше, хотя он и так был высоким человеком. Он был очень скромным, но было видно, что он особый человек. Мы вместе с ним ездили в разные места, в том числе и на место рождения преподобного Сергия Радонежского в Радонеж. Там мы молились в маленькой часовне, где уже стоял памятник преподобному – молодому юноше Варфоломею, будущему святому Сергию. Во время этого же путешествия в Россию дни мы были на месте погребения отца Александра Меня. Владыка отслужил панихиду на его могилке, мы видели маленький храмик, где отец Александр служил, и все эти встречи, все эти моменты всегда были очень теплыми, потому что владыку Василия всегда окружал народ. Люди знали его, потому что он готовил передачи, его слова глубоко западали в души людей, заранее собирались там, куда он приезжал. Он был нежным и добрым человеком и, конечно, глубоко верующим и молитвенником.

Ю.П.: По воспоминаниям современников владыка Василий оставлял неизгладимое впечатление. В чем была его особая притягательность?

Отец М.: Мне его привлекательность кажется похожей на ту, что была у владыки Антония Сурожского. У него также была любовь к людям, хоть и в немного другой степени. У владыки Василия была очень хорошая приветливая улыбка, он всегда был готов услужить людям. Наверное, вы знаете историю из книги «Несвятые святые», когда владыка согласился по просьбе молодого священника поехать «недалеко», а оказалось в глубинку другой области необъятной России, и добираться надо было на перекладных, но он был готов это все сделать. По пути они встретили разбившегося насмерть человека и его сына, который беспомощно стоял над телом погибшего отца. Владыка Василий остановился и уделил время уже покойнику, не смотря на то, что они спешили в другое место. Он был таким человеком. Эта история получила известность еще и потому, что погибший слушал передачи владыки и считал его своим духовным отцом.

Ю.П.: В 1953 году после преследований в Сербии священник Владимир Родзянко со своей семьей перебрался в Лондон. - Мы с трудом можем назвать Лондон центром русской эмиграции, им были скорее Париж, Берлин, Харбин. Тем не менее, именно здесь появились такие большие богословы как митрополит Антоний Сурожский, архимандрит Софроний Сахаров и епископ Василий Родзянко. Какие условия сложили в Великобритании для такого явления?

Отец М.: Наверное, нет случайностей в мире. Все было по промыслу Божиему. После Второй мировой войны очень много людей приехало в Англию, еще больше в Америку и другие страны, но везде, где собирается русский православный народ, там строится храм. Зарубежная Церковь здесь уже была основана, имела приход. Она была больше по количеству людей, чем церковь Московской Патриархии, и не было официального общения между ними. Бывали, конечно, частные общения, два прихода поначалу служили в одном храме, как вы знаете, к концу 50-х годов они разделились на два разных храма. В Зарубежной Церкви было много людей, которые выехали после революции и Первой мировой войны, старинные семьи с известными именами. Тогда я был мальчиком и ходил в Зарубежную церковь. В Зарубежной Церкви служили на церковно-славянском языке, а на Ennismore Gardens, то есть в церкви Московской Патриархии, службы были на двух языках – церковно-славянском и английском. Здесь был отец Владимир Феокритов, который также служил в Московской Патриархии. Его заменил будущий владыка Антоний. Старец Софроний собирался основать монастырь во Франции, но место нашли здесь и он перебрался в Англию. Будущий владыка Василий приехал сюда, наверное, потому что решил, что здесь есть свобода, демократия, немаловажным было и то, что здесь была монархия, и это тоже имело важное значение.

Ю.П.: Сам владыка Василий упоминал среди своих учителей митрополита Антония Сурожского. Они были людьми одного поколения, равные по социальному происхождению и культурному базису. В чем заключалось это ученичество?

Отец М.: Я думаю что любой, кто знал владыку Антония, чувствовал, что он его ученик. И молодые люди, и более пожилые. Владыка Антоний сам говорил, что он не посещал семинарию, духовную академию, в отличие от владыки Владимира Родзянко, который имел докторскую степень и преподавал богословие. У владыки Антония потом было много докторских степеней, но они были почетными. И все же знания владыки Антония, запас классической литературы, научных трудов, ведь он был хирургом, жизненный опыт и его колоссальная память, и, как мы знаем, с юных лет его глубокая вера – это самое главное, что делало его учителем. Мы можем сравнить его с св. Силуаном Афонским, который был мужиком, но к нему стремились попасть люди из разных стран, из разных концов России, спрашивали его в монастыре, чем удивляли братию, которая советовала поговорить с кем-то интересным, образованным, но не с Силуаном.

Здесь параллель не прямая, владыка Антоний не был мужиком, напротив, он был из другого сословия, но глубина его веры и то, что он жил Богом привлекали людей. Именно это он мог передать людям. А научные труды у него тоже были, но без посещения лекций.

Ю.П. : Епископ Василий Родзянко был Интеллектуалом с большой буквы. Как это проявлялось в его общении с мирянами и духовенством?

Отец М.: Трудно ответить на этот вопрос, но с одной стороны у него была простота, а с другой – глубина, как и владыки Антония, я должен сказать. Владыка Василий был, если можно так выразиться, необыкновенным епископом. Часто люди боятся подходить к архиереям, обращаясь к ним немного со страхом, даже трепетом. А у нас было несколько архиереев, в том числе владыка Антоний, потом владыка Василий Родзянко, которые обращались с прихожанами как близкие люди. Я не помню, как англичане называли владыку Василия, возможно так же, как и владыку Антония – отцом («отец Антоний», Father Anthony), потому что он был как настоящий отец своим чадам, к которому тянулись люди. Так было и с владыкой Василием.

Епископ Василий
Портрет. Художник Александр Шилов
(Фото - Wikipedia)

Ю.П.: Как Вы думаете, сочетание интеллекта, блестящего образования и простоты владыки Василия – результат воспитания в семье, среды, в которой формировался будущий владыка, или что-то иное?

Отец М.: Возможно все вместе. Когда он воспитывал детей с матушкой Марией, он передавал этот интеллект своим детям. Трудно сказать, что от Бога дано, что генами передается, но надо отметить его собственные усилия – он много учился, всегда был чем-то занят и никогда не проводил время впустую.

Ю.П.: Спасибо большое за интервью, отец Максим.

Отец М.: И Вам спасибо.

РУССКИЕ ТРАДИЦИИ В АНГЛИЙСКОМ КОРОЛЕВСКОМ БАЛЕТЕ

Оксана Карнович

Английский балет, как явление национальной культуры, возник в конце 1920-х годов благодаря воздействию практики русского балетного театра. Развитие балета в Великобритании началось с гастролей Анны Павловой и русских сезонов Сергея Дягилева, которые заложили фундамент для формирования балетных традиций Англии.

В конце XIX века балет в Англии носил чисто развлекательный характер, будучи частью дивертисмента в программах мюзик-холла и в традиционных рождественских пантомимах. Мужской классический танец отсутствовал, все мужские партии исполняли женщины «травести». Балет, как самостоятельный вид искусства, не существовал. «Русским вторжением» назвали начало XX века в Великобритании. Начиная с 1907 года, почти каждый сезон в Лондоне гастролировали артисты Императорских театров Москвы и Санкт-Петербурга. Одной из первых появилась балерина Мариинского театра Лидия Кякшт. (Закончив сценическую карьеру в 1933 году, она организовала и руководила труппой «Балет английской молодежи», позже основала «Русский балет Лидии Кякшт»,

Лидия Лопухова
(Фото - Wikipedia)

преподавала в хореографической школе «Сэдлерс Уэллс» – О.К.). В 1910 году с партнером Михаилом Мордкиным в Лондоне выступала Анна Павлова. «Именно Павлова впервые подняла балет в Англии до высот настоящего, большого искусства. На многие годы она была и осталась для англичан самой любимой балериной». Великобритания стала для нее вторым домом. В 1912 году она купила особняк «Айви-Хаус» в Хэмпстеде, открыв балетную студию для талантливых детей. Восхищенный поклонник балерины,

импресарио сэр Алфред Бат, владелец Victoria Palace Theatre, в 1911 году приказал установить позолоченную статую балерины в позе арабеск, которая до сих пор венчает купол театра. Однако колоссальный интерес к балету, проявившийся в Англии, начался «Русских сезонов» Сергея Дягилева, оказав воздействие на всю мировую культуру. Труппа «Русские балеты» впервые приехала в Лондон в 1911 году, приурочив гастроли к коронации Георга V, двоюродного брата Николая II. Русский импресарио представил, проверенный в Париже репертуар. Балеты Михаила Фокина в декорациях Льва Бакста и Александра Бенуа поражали сочетанием музыки, живописи и танца. Вацлав Нижинский «опрокинул» представление англичан о мужском танце. За весь период деятельности Дягилева почти ежегодно с неизменным успехом его труппа выступала в Лондоне, заложив начало развития английского национального балета. Несмотря на общепринятое мнение, что столицей «Русского балета» Дягилева считается Париж, однако английский балетный историк Сирил Бомонт насчитывает на 47% спектаклей больше в Лондоне, чем в столице Франции (41%). Первая мировая война прервала гастроли труппы (1915-1917), которые возобновились в 1918 году. Именно, «английские сезоны» Дягилева стимулировали развитие балета в Англии. Еще до войны он задумал создать английский балет, заложить основы балетной культуры Британии. Богатый театральными традициями Лондон, благосклонно принял новаторские изыски русского импресарио, прежде будоражившие парижское общество. Популярность «русских пришельцев» была столь высока, что бытовало мнение: танцевать хорошо классический балет могут только русские. Поскольку в виду сложившейся исторической ситуации артисты из России не приезжали, он стал приглашать английских танцовщиков из балетных студий Лондона. Многие, мечтавшие танцевать в его

Анна Павлова
(Фото - www.peoples.ru)

знаменитой труппе, брали русские фамилии: Хильда Маннингс стала Лидией Соколовой, Патрик Хили Кей – Антоном Долиным, Лилиан Элис Маркс – Алисией Марковой, Вера Кларк – Верой Савиной. В 1921 году в театре «Альгамбра» лондонцы увидели парадный спектакль «Спящая красавица» П. Чайковского в лучших традициях старого императорского балета («Sleeping Princess» в Лондоне – О.К.). Художественное оформление Дягилев поручил Баксту. Партию принцессы Авроры танцевали: Ольга Спесивцева, Вера Трефилова, Любовь Егорова. «Еще одной из его Аврор стала Лидия Лопухова, которая выступала в других представлениях балета, также в партии феи Сирени. Лопухова утверждала впоследствии, что именно ее участие побудило Дягилева изменить название балета, который в Лондоне назывался не «Спящая красавица», а «Спящая принцесса». «С таким носом невозможно называться «красавицей»», – якобы сказал он ей». В этой постановке под русскими псевдонимами на сцену выходили английские артисты: Хильда Маннингс (Лидия Соколова) танцевала Красную Шапочку; артист Патрикеев (Патрик Хилли Кей, впоследствии ставший Антоном Долиным) исполнил партию пажа королевы (Вера Судейкина); в роли Феи Виолант вышла будущий руководитель Сэдлерс Уэллс Балле – Нинетт де Валуа (Идрис Станнус). Премьера прошла с огромным успехом. Большое значение для развития танцевальных традиций Англии сделали танцовщики дягилевской антрепризы, «привитые» его идеями и любовью к искусству. В 1929 году после смерти великого антерпренера Тамара Карсавина навсегда осталась в Лондоне, помогая восстанавливать старые классические спектакли в труппе Королевского английского балета, сохраняя наследие Фокина и Петипа. В течении пятнадцати лет она являлась вице-президентом Королевской академии танца Великобритании, педагогом примы-балерины Королевского балета Марго Фонтейн. Лидия Лопухова внесла большой вклад для сохранения русской культуры в Англии. По ее инициативе было создано «Общество Комарго», помогающее собирать деньги и финансировать балетные постановки, казначеем выступил ее супруг – крупнейший ученый-экономист XX века Джон Мейнард Кейнс. В 1918 году в Лондоне открыл студию ревностный хранитель классических традиций Энрико Чекетти, который по его словам в течении тридцати лет был «педагогом величайшей и лучшей школы: Императорской школы в Санкт-Петербурге». Педагогическим методом, который вырабатывался

им в России, заинтересовался британский историк балета Сирил Бомонт. Совместно с учеником Чекетти Станиславом Идзиковским Бомонт написал «Учебник теории и практики классического танца (метод Чекетти)». В 1922 году было организовано «Общество Чекетти», в дальнейшем переросшее в «Британское общество учителей танца» в задачи, которого входило сохранение его метода. В 1923 году Николай Легат, ведущий танцовщик Мариинского театра, крупнейший педагог Императорского театрального училища, открыл собственную балетную школу в Лондоне, где занимались будущие звезды английского балета Нинетт де Валуа, Фредерик Аштон, Мойра Ширер, Андре Эглевский, Марго Фонтейн, Антон Долин. Единую систему преподавания предложил Эдуард Эспиноза, ученик своего отца Леона Эспинозы, танцовщика Большого театра. Совместно с Филиппом Ричардсон, журналистом и писателем, редактором «Дансинг таймс», публикуемый с 1910 года после гастролей Павловой, они организовали «Ассоциацию оперного искусства Великобритании», вырабатывая программу обучения и экзаменационные требования для многочисленных балетных студий и школ. Английские последователи петербургской школы балета и впитавшие русские традиции выработали свое направление в искусстве, имя которому – классический балет. Первая классическая танцовщица Великобритании Алисия Маркова, так же, как и Антон Долин, брали уроки у Серафимы Астафьевой – балерины Императорского театра, участницы первых дягилевских сезонов, одной из первых русских открывшей балетную школу в Лондоне в 1914 году. Сейчас в районе Челси на Кигс-Роуд 152 висит мемориальная доска с надписью Princess Seraphine Astafieva (1876-1934) ballet dancer, lived and taught here (1916-1934). В школе Астафьевой училась Мари Рамбер – основательница одной из старейших первой и ныне действующих британской балетной компаний. Мари Рамбер, заложила основы английского балета наравне с Нинетт де Валуа, которая обучалась у российских педагогов Чекетти, Легата, Мясина, в 1923 году присоединившись к дягилевской антрепризе. В 1926 году де Валуа открыла собственную школу в Лондоне, первую академию хореографического искусства. Смерть Дягилева стала катастрофой в мире балета. Де Валуа предприняла попытки создать английский национальный балет. Ей помогла Лилиан Бейлис, предоставив сцену театра «Олд Вик». В 1931 году, уже в первую профессиональную труппу «Вик-Уэллс Балле» де Валуа

Николай Легат
(Фото - из архива О. Карнович)

пригласила в качестве хореографов Мари Рамбер и Фредерика Аштона. Возобновлением балетной классики занялся Николай Сергеев (бывший режиссер Мариинского театра), который мог восстановить балеты классического наследия по нотно-линейной системе записи танца, разработанной танцовщиком Владимиром Степановым. Благодаря этим записям, своего рода «хореографическим партитурам», весь классический репертуар будущего Королевского балета сохраняет нюансы старых балетов Мариуса Петипа и Льва Иванова в их исконном виде лучше, чем многочисленные редакции в советский и постсоветский период. После войны труппа Сэдлерс-Уэллс стала разрастаться и в 1946 году переместилась в театр Ковент Гарден, а с 1957 года, стала главной труппой страны – Королевским балетом Великобритании. «Когда труппа Сэдлерс Уэллс Балле (бывший Вик-Уэллс Балле) обосновалась в 1946 году в главном лондонском театре Ковент Гарден, председателем правления театра стал лорд Кейнс (этот титул был пожалован Мейнарду Кейнсу в 1942 году). Кейнс в день открытия был нездоров – ему суждено было умереть в том же 1946 году, – и честь проводить в ложу английских короля и королеву, присутствовавших на спектакле «Спящая красавица», выпала Лидии – теперь леди Кейнс». Из школ Рамбер и «Олд Вик» появились первые английские танцоры, хореографы. Балет в Англии приобрел национальное значение.

Литература:

1. Рославлева Н. Английский балет. М., Музгиз. 1959.

2. Суриц Е. «Маленькая Лопухова»: Лидия Лопухова (1891-1981), ее жизнь и творчество за рубежом / Художественная культура русского зарубежья, 1917-1939 [Сборник статей] Коллектив авторов // https://culture.wikireading.ru/72512

3. Трускиновская Д. 100 великих мастеров балета. М., Вече. 2010.

ВЕРНЕМСЯ ДОМОЙ

Софья Кудрина

Потеря связи с духовным наследием Отечества – это проблема не только тех, кто живет за пределами России. К сожалению, те молодые люди, которые воспитывались в России в так называемые «девяностые» и «нулевые», впитали в себя принципиально иные нормы и ценности. Кинематограф был представлен в основном американский, все российское (особенно в 90-е годы) подвергалось критике и осмеянию. В сознание людей целенаправленно внедрялись новые смыслы: поскольку Россия – всего лишь жалкая, отстающая от Запада страна, не имеющая своей самобытной истории, необходимо равняться на «эталон», бездумно копируя чужое общество. Продолжается история диалога между западниками и славянофилами. «Стремление к формам чужим и чужому духу», как метко назвал это состояние Иван Киреевский, было неотъемлемой чертой русского западничества.

Когда устоит дом? Когда его жители постоянно смотрят в окно, сгорают от зависти и пытаются поскорее сбежать? Или, может быть, когда копируют жизнь других семей, постоянно жалуясь на жизнь и стыдясь, что, дескать,

Софья Кудрина
(Фото - Facebook)

«не уродились»? Нет, только тогда, когда у дома, у семьи есть свой собственный стержень, которого никто не стесняется, когда в нем царит любовь и чувство собственного достоинства. И еще важно – гордость за свою страну. Не политизированная, не «кулаком в грудь» и не «в обнимку с березкой», не казенный или оголтелый национализм, замешанный на невежестве и ненависти к другим народам («национальная гордость, - как писал И. Ильин, - не должна вырождаться в тупое самомнение и плоское самодовольство»), не борьба за чистоту крови, а любовь к национально-духовному укладу, к своей истории. Этот уклад, конечно, очень пострадал за годы тяжелых испытаний, но опыт человечества (в том числе и социальная наука) дают нам некоторые подсказки, чтобы

ответить на вопрос: как сдвинуть наше изнуренное, покалеченное сознание?

Стабильность и крепость России всегда основывалась на глубочайшей по своей силе и самоотверженности внутренней духовной жизни. В наше время люди, в нескольких поколениях привитые против веры и религии, воспринимают мысль о необходимости вернуться к истокам Православия, культурообразующей религии России, как посягательство на их личную свободу. Духовная жизнь – это очень деликатная область, человек через личные испытания и скорби приходит к вере и тем самым обретает Родину. Тогда его дом становится иерархичным, все постепенно выстраивается в крепкую, стабильную систему. Когда системе угрожает опасность? Когда «барахлит» экономика? Нет, когда разрушаются морально-религиозные ценности, когда культурные образцы не передаются из поколения в поколение. А эта передача осуществляется прежде всего через семью. Значит, во что бы то ни стало нужно вспомнить о ценности семьи, не боясь обвинений в старомодности (вспомним замечательную фразу из песни группы «Воскресение»: «И станем мы добрей и старомодней, доверчивей, наивнее любить и искренней – а стало быть, свободней»). Семья – это та творческая мастерская, где таинственным образом (как говорят социологи, «латентно») коренится все общество, откуда оно черпает свою жизненную энергию, особенно если в ней вырастают наши замечательные дети. Наши дети талантливы, красивы. Их надо рожать, а не убивать. Их надо любить, а не закармливать. Их надо учить жить, а не потреблять. Их надо беречь от культа больших и легких денег, от праздности и эгоизма. Но именно деградирующую, безответственную личность воспитывает реклама: свое удовольствие превыше всего. «Наслаждение», «искушение» рекламы рождает безличие, дети становятся «никакими» или, в лучшем случае, жертвами стиля.

Поняв наконец деструктивность феминизма, необходимо вернуть ценность образу женщины-матери. Страна воспрянет, если женщина перестанет быть мужчиной второго сорта. Пусть это идет вразрез с западными образцами железных бизнес-леди или тинэйджерским образом бесполого существа, раскованного во всех отношениях.

Чтобы Россия была домом, а не ареной политической борьбы, нужно вспомнить о ключевых фигурах родителя, учителя, врача, воина и священника. Эти виды служения людям можно отнести к разряду вечных, человечных, а главное - стратегически более важных, чем вожделенные для нынешних

абитуриентов профессии юриста, экономиста, программиста и т.д. К последним молодежь стремится в основном по причине высокой оплаты, а не по призванию. Право и экономика стали идолами, превратились из средств в самоцели. Как преподаватель знаю, сколько талантливейших историков, лингвистов, философов, естествоиспытателей, поэтов, педагогов, богатырей пропадает (в прямом смысле этого слова) в стенах юридических и экономических факультетов. К пятому курсу они хоронят свои таланты и, не став цветом нации, превращаются в одномерных снобов, которые ни шагу не смогут ступить «бесплатно».

Детей не надо пугать фразами типа «деньги решают все», «ценности относительны» и так далее. «Группа мыслителей, - как писал Г.К. Честертон, - может, в известной мере, воспрепятствовать мысли, научив следующее поколение, что в мысли нет никакой надежности». Дети будут потенциалом сильной России, если не будут бояться ни своей непохожести на европейцев и американцев, ни возможности быть непонятыми. И они не должны бояться будущего. Страх перед будущим всегда связан с излишней зависимостью от материальных благ, карьеры, с постоянным стремлением от кого-то не отстать. Творческий потенциал раскроется только тогда, когда мы перестанем кого-то догонять. У России своя беговая дорожка. И у каждой личности в ней – тоже свое служение. Служение – не только в школьном классе, аудитории, поликлинике, храме, воинской части и т.д. Власть – это тоже служение, а не вожделенная возможность командовать, приказывать и распределять.

Идея вседозволенности (вспомним Достоевского: «если Бога нет, то все дозволено»), истеричная погоня за «уважением прав» была всегда сопряжена с наивной надеждой на то, что человек, имеющий море прав и минимум обязанностей, «сам исправится», «сам все поймет». Но как быть, если он не только не исправляется, но и, не будучи сдерживаемым обществом ни в какой форме, растлевает и заражает других? В этой связи следовало бы вспомнить замечательную мысль о том, что право существует вовсе не для того, чтобы создать рай на земле. Право – это не идол. Оно просто существует как меньшее зло – для того, чтобы не допустить зла большего, чтобы не допустить ада на земле, а условие последнего, – к сожалению, налицо: это все нарастающее оправдание человеческого эгоизма, все большая и большая рафинированность, изощренность и утонченность способов формального оправдания

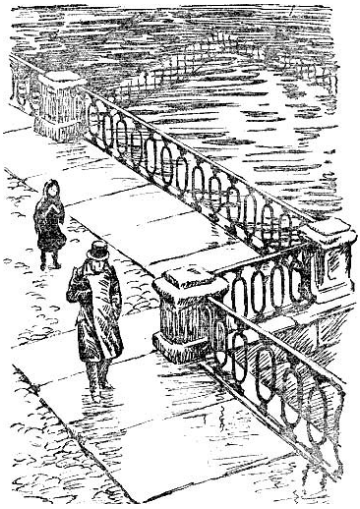


Иллюстрация к рассказу Ф.М. Достоевский "Сон смешного человека" (Фото - Русская историческая библиотека)

равнодушия, нелюбви, ненависти, убийства, пошлости, снобизма и т.д. Но именно обществу рационализированного и институционализированного эгоизма призывают подражать так называемые западники.

Но напрасно считается, что современный молодой человек испорчен настолько, что уже не способен воспринять глубины русской культуры и философии. У нас в Ярославском университете в ходе изучения курса философии студенты-первокурсники изучают тему «Русская философия» с обязательным прочтением и интерпретацией текстов. Даже те, кто до этого не проявлял ни малейшего интереса к учебе, буквально «включается» и «загорается» после прикосновения к «Легенде о великом инквизиторе» и «Сну смешного человека» Ф.М. Достоевского, «Поющему сердцу» и «Основам христианской культуры» И.А. Ильина, «Свету Невечернему» о. Сергия Булгакова, «Смыслу любви» В.С. Соловьева и т.п. Обнаруживается спящая доселе глубина и красота юных душ.

В наш эстетическо-дизайнерский, до безумия прагматичный век, на фоне насилия «клиповой культуры» не мешало бы вспомнить один замечательный принцип, который золотой нитью проходит через всю русскую философию: Истина, Добро и Красота неразрывны. Поэтому **не нужно стесняться своей глубины и подлинности и пытаться скрыть ее под маской чужой поверхностности.**

Ф.М. Достоевский Портрет работы В. Перова. 1872 год (Фото - Wikipedia)

О ВАЖНОСТИ ПОНИМАНИЯ СВОЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Мария Львова

"Ищу во всем предание Старины"

Николай Константинович Рерих
1911 год

Слово генеалогия происходит от греческого genealogia – «родословная» и означает происхождение, родственные связи семей и их членов; исторический памятник, содержанием которого является временная цепочка информации. Генеалогия присутствует в исторических, педагогических и даже эзотерических контекстах нашей жизни.

Изучение истоков рода – это попытка проследить историю происхождения его основателей, в плане социального статуса отдельных его представителей, в плане развития их художественно-творческой деятельности. Мне представляется это важным, поскольку позволяет проследить их роль в развитии отечественной культуры, проследить наследование культурных склонностей – художественных, поэтических, музыкальных. Научных – из поколения в поколение и их социальную направленность.

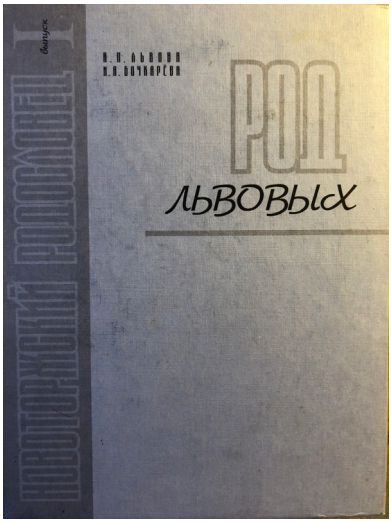
Мы, несомненно, унаследуем от наших предков некоторые особенности их мышления и психологии. В этом можно легко и просто убедиться посмотрев на своих детей, в то время, когда, разговаривая с ними, еще маленькими, мы не можем отнести этого к ним лично и упоминаем об их чертах как о свойственных в той или иной мере всем членам

Автор книги "Род Львовых" А.П. Львова. Лондон. 2008 год (Фото - из личного архива М. Львовой)

семьи и передаваемые по родовому признаку из поколения в поколение. Такой особенностью в моей семье, к примеру, является прежде всего для нас всех четкое ощущение ответственности за все, что ты сделал, и обязанности что-либо сделать в жизни. Бок о бок с этим живет сознание своего предназначения, чтобы что-то сделать такое, что могло бы служить оправданием прожитой жизни и применением с наибольшим эффектом своих способностей, склонностей и талантов, если таковые имелись.

Наши предки оставляли свои воспоминания, очерки, статьи и письма, заботясь о счастье нас потомков прикоснуться к их жизни. Наше право изучать архивы не из праздного любопытства, но и с целью перенести опыт той дисциплинированной и деловой жизни, которую проживали они, в века отсутствия новых технологий, когда эти самые письма доходили до адресатов неделями, месяцами. А вековые деревья: они берегут память о тех, кто их сажал и выращивал. Однажды мое сознание было поражено ковром опавшей листвы недалеко от дворца. Видимо подбирались группы посаженных рядом деревьев с учетом срока падения листвы. Оказывается, сначала падают желтые листья липы, потом еще зеленые почему-то листья ясеня, следом красные – клена и поверх ложатся серебристые листья тополя. Вышло солнце после небольшого дождя, и меня поразил открывшийся взору орнамент. Удивительные чувства испытываешь, когда думаешь, что на этом месте стоял твой предок, а деревья были еще молодыми. Произносил ли он фразу «…мои внуки увидят…», надеюсь, что, да.

Перечитывая записи моего отца, внезапно вижу в предках живых людей с драматическими судьбами. С благодарностью к родителям держу в руках книгу «Род Львовых», перелистывая от конца 25 судеб поколенной росписи семейного древа. Мое детство прошло в рассказах и вечных поисках ответов на вопрос о каждой такой судьбе, но только сейчас я задумалась, какую титаническую исследовательскую



работу проделала моя мама, учитывая тот факт, что большинство архивов открылось только в 90-х, а век интернета еще позднее.

А вот отец вспоминал другое, когда в пятнадцать лет обнаружил фотографию деда, того самого обер-прокурора Святейшего Синода, и показал своей матери. Она нахмурилась: «Забудь и никогда больше никому ее не показывай…». Политика не имеет сердца.

Т.А. Аксакова-Сиверс, вспоминая своих предков, пишет: «Печать исключительности лежит на них и на их жизни, поскольку их жизнь сплетена с внешними обстоятельствами большой важности, участниками, свидетелями и жертвами которых им пришлось быть.

Сильна обида за утрату того единственного, что остается у человека от его прошлого: писем, дневников, фотографий... Всего этого мы, их потомки, были лишены грубо, а главное бессмысленно. И все же в период полного одиночества, когда все помыслы направлены в прошедшее, не могу отказать себе в радости вызывать милые образы тех, кого уже нет и кто далеко...».

Тех, кто интересуется генеалогией становится все больше. На генеалогических сайтах зарегистрированны миллионы пользователей. В библиотеках и архивах количество обращений в картотеках, по наблюдениям, растет с каждым годом. Получается население неравнодушно к прошлому. Радость открытий пленит, но и свидетельствует о том, что мы - мир людей, забывших свое прошлое. Хочется пожелать, чтобы цепь истории не прерывалась. Чем больше персон в нашем семейном древе, тем яснее и понятнее мы видим самого себя. Большинство тех, кто увлечен генеалогией, говорит о желании сообщить то, что они узнали, детям или внукам. И как следствие мы начинаем общаться друг с другом, мы прибегаем к

Лев Львов и Том Мещери у памятника своего прапрадеда архитектора Н.А. Львова в Торжке. Начало 2000-х годов (Фото - из личного архива М. Львовой)

живому общению и появляется больше тем для обсуждения. Хранитель семейных знаний не просто играет значимую роль в семейной системе, он еще и решает задачи социального развития

Генеалогию можно сравнить с азартной игрой или детективным расследованием, только в прошлом, потому как любая тайна завораживает. Рассылая схемы генеалогического древа, делясь архивными находками, старинными фотографиями, пожелтевшими письмами, радуешься, видя, что дальним родственникам это интересно.

«…Мы – русские, и ни один русский деятель не должен быть нами забыт; напротив того, всякое изображение русского деятеля должно встретить в себе настолько же сочувствия, насколько полезна была его деятельность…».

С особым чувством почитания отношусь к своим предкам и считаю своим долгом рассказывать о них людям. Как же богат человек обретший землю обетованную, кусочек родового гнезда своих предков, знающий историю своего рода и своего появления на свет. Богат духовно. У него есть, чем гордиться, за что ратовать, что хранить и понимать. В своих корнях черпает он силу, и потому увереннее стоит на земле…

Литература: 1. Аксакова Т. А. Семейная хроника : в 2-х книгах / Т. А. Аксакова-Сиверс. Париж. Atheneum, 1988., Кн.

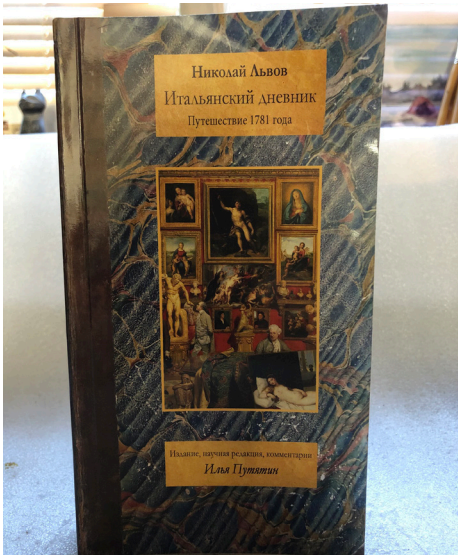
2. Колл. авт. Петербургский Рериховский сборник. Выпуск VI, VII, VIII. СПб., Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочек, «Ирида-прос», 2008.

3. Львова А.П., Бочкарева И.А. Род Львовых. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей, 2003.

4. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., изд. А. С. Суворина, 1886.

5. Сост. Толстой Н.И. (подготовка текста, составление, статьи и комментарии). Собрание сочинений в пяти томах (шести книгах). Т.5 (кн.2). Семья и окружение XYIII-XXI. Из неопубликованного: письма, проза, поэзия, литературоведение, фрагменты переводов. В расширенных комментариях генеалогия тверской нетитулованной ветви рода Толстых и окружения, дальнейшие судьбы реальных персонажей повести «Осужденный жить», семейные воспоминания, дневниковые записки. М., ДЕКО, 2008.

6. Цитата из предисловия к «Портретной галерее русских деятелей». Издание А. Мюнстера, 1864-1865г.



Николай Львов "Итальянский дневник. Путешествие 1781 года"

ПУТЬ К СВЕТУ. НАДЕЖДА ГОРОДЕЦКАЯ (1901-1985)

Елена Дубровина

Мистическая, метафизическая направленность литературы 1920-1930-х годов, духовное развитие их героев, постоянный поиск истины, обращение к вере и Богу, можно четко проследить на произведениях писателей и поэтов первой волны эмиграции. Одним из таких ярких представителей этого нового направления была писательница Надежда Даниловна Городецкая.

Творчество Н. Городецкой долгие годы оставалось неизвестным для современного русского читателя. И только недавно работы ее получили признание в России. Городецкая была одна из немногих литераторов, издававших свои произведения на трех языках: русском, французском и английском. К тому же, она стала первой женщиной, прочитавшей курс на богословском факультете Оксфордского университета и занимавшей пост профессора на русской кафедре в Ливерпуле. Талантливая писательница, очеркист, журналистка, православный мыслитель, богослов, она принимала активное участие в литературной жизни русской диаспоры. Однако тот путь, который ей пришлось пройти в поисках своей Истины, к признанию и успеху, был для Надежды Городецкой нелегким.

Надежда Городецкая (Фото - автора)

Пережив личную трагедию, материальную нужду, каждодневную борьбу за выживание на чужой земле, она постоянно искала выход из темного лабиринта жизненных невзгод к свету и, в конечном итоге, к Богу.

Надежда Даниловна Городецкая родилась в 1901 году в Москве, умерла в 1985 году в Англии. Отец Надежды был малоизвестным журналистом, издателем и книготорговцем, мать – певицей. От матери она унаследовала приятный голос, который в будущем помог ей избежать материальной нужды.

Детство Н. Городецкой прошло в Гатчине. Училась Надежда в Мариинской гимназии, находящейся в Царском Селе. О своем городе детства вспоминает она с особой теплотой в автобиографической повести «Белые крылья»: «Я предпочитала уходить в Царский Сад с Гретой Флиднер, моей подругой. Мы забирались вглубь, ложились на скамейку и, следя за плывущим в небе аэропланом, говорили ему: “Милый! Если бы ты знал, как две девочки в одинаковых шляпах с вишнями тебя любят”». Вспоминают о годах обучения в Царском Селе многие будущие поэты и прозаики, в том числе и ее будущий сотоварищ по перу Александр Оцуп. Поэт второй волны эмиграции Дмитрий Кленовский так описал свои чувства к Царскому Селу, выразив, возможно, именно то, о чем думал каждый из тех, кто оказался вдали от родины:

И странно: в нашей нищенской судьбе,

Не чающей ни милости, ни срока,

В чужой ночлежке нашего далека

К тебе мы ближе, чем ты сам к себе.

Вскоре семья Городецких переезжает в Полтаву, где Надежда продолжает свое образование. В Полтаве их застает Гражданская война и революция. В 1919 году вся семья перебирается в Крым, где они пытаются сесть на корабль, идущий из Крыма в Константинополь, но в толпе и суматохе Надежда теряет сестру и мать. В Турцию 18-летняя девушка прибывает одна – без вещей, без денег, без родных. Но Надежду с юности отличали воля к жизни, сильный характер, упорное стремление к образованию, а главное, любовь к творчеству. Как прожила она эти годы изгнания в Константинополе, как одна справилась с трудностями эмигрантской жизни? Надежда бралась за любую работу, чтобы только выжить. Пребывание там Городецкая описала в повести «Мемуары эмигрантской бабушки». Однако вскоре она уезжает в Македонию, где продолжает учебу в университете. Любознательная от природы, девушка внимательно всматривается в происходящее вокруг, запоминает, анализирует. Позже эти наблюдения станут темами ее рассказов.

В 1924 году начинается новый десятилетний период жизни Н. Городецкой — она переезжает в Париж. Здесь, в Париже, многие эмигранты нашли свою вторую Россию. Многотысячная русская колония в Париже была многогранной. В нее входили блестящие представители русского искус¬ства, цвет интеллектуальной и общественно-полити¬ческой элиты, но основная масса эмиграции зарабатывала свой хлеб тя¬желым физическим трудом. Однако новые трудности, короткое и неудачное

замужество, постоянная смена работы, борьба за выживание не сломили духа молодой женщины. Она много пишет, поступает учиться в Сорбонну. На жизнь зарабатывает тем, что поет по вечерам в русских кафе, моет посуду в ресторанах, работает няней, постоянно меняя одну «профессию» за другую. Вот, что вспоминает она сама об этих трудных годах жизни в заметках, напечатанных в газете «Молва» за 1934 год: «Первый в жизни заработок: физическая работа в Югославии, на сушке медицинских растений. Второй — гонорар за маленькие рассказы на хорватском языке… В Македонии... торговала овцами. В Париже: кинематографическая фигурация. Одевание для фабрики кукол. Переписка на машинке. Бухгалтерия. Кратковременное мытье посуды в русском ресторане. Прогулки с ребенком и разные мелкие случайные работы. При всем этом и назло всему этому — писала. Первый роман — брала рукопись в киностудию. Строчила в перерывах между свистками и прожекторами».

В Париже знакомится Городецкая с архимандритом и священником Русской Православной Зарубежной Церкви Львом Жиле, который становится ее духовным отцом. Попав во время Первой мировой войны в австрийский плен, он впервые обратился к Богу, что послужило началом его пути к православию. В лагере он впервые столкнулся с русскими военнопленными, которые познакомили его с русской литературой, ставшей навсегда частью его духовного возрождения. Впоследствии он принял постриг, а позднее перешел в православие. В 1928 г. Жилле стал настоятелем первого французского православного прихода в Париже, известным богословом, миссионером, церковным писателем, человеком подвижнической жизни. Под влиянием этого удивительного человека в мировоззрении Надежды Городецкой происходит серьезный перелом, который навсегда изменит ее жизнь.

Надо сказать, что пережитая эмигрантами трагедия, оторванность от родной земли, от родных и близких людей сказались и на их восприятии окружающего мира. Попав в новые условия существования, они приобрели свободу самовыражения, благоприятную для творчества. Эта новая атмосфера, свободная от «социального заказа», привела многих русских литераторов к переосмыслению своих духовных позиций, по выражению Юрия Мандельштама, — к «метафизическому заказу». Новое метафизическое волнение, поиск духовных ценностей и религиозное прозрение становятся частью жизни и творчества эмигрантского писателя. Этот «новый трепет» отразился и в произведениях

Надежды Городецкой. Юрий Мандельштам в рецензии на ее роман «Дети в изгнании» (L'exil des infants), вышедшего в 1936 году на французском языке, пишет: «Наиболее внутренне преображенной оказывается под конец книги единственная из "старших" Анна Сергеевна, которой тоже нет еще тридцати. После любовных разочарований и неудачи общественной, она обращается к вере, хотя и почти бессознательно. Ее духовный путь обрисован Городецкой, пожалуй, убедительнее всего». Здесь, на Западе, для русского человека православие открылось во всей своей полноте.

«Русская эмиграция неожиданно для себя получила новый опыт церковной жизни, независимой от госу¬дарственной опеки. Это дало ей силу и вдохновение, столь насущно необходимые для верующих внутри России, оторванных от остального христианского ми¬ра, не имеющих доступа к источникам религиозного просвещения. Ряд пред¬ставителей христианского возрождения оказался в эмиграции», – писал русский философ и мыслитель Николай Михайлович Зернов, сыгравший в будущем решающую роль в судьбе Надежды Городецкой. Христи¬анские основы Запада, о которых так мало знала русская интеллигенция, становились, наконец, доступ¬ными для русского эмигранта.

В 1922 году из России была выслана группа русской интеллигенции на так называемом «философском пароходе». На Западе оказались философы: Лев Шестов, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Иван Ильин, Николай Лосский, Федор Степун, Борис Вышеславцев, Лев Карсавин и др. Их частые выступления на молодежных вечерах, статьи и очерки в эмигрантской прессе, прочитанные лекции, на которые приходило много слушателей, откладывали свой отпечаток на развитие христианского мировоззрения русской молодежи, оказавшейся в силу обстоятельств в новых условиях существования. Сопутствовало этому процессу и знакомство с французскими философами, такими, как Жак Маритен, Анри Бергсон, Габриель Марсель и др. Потрясения, пережитые эмигрантами, вызвали глубокий перево¬рот в мировоззрении и отношении к жизни многих из них. Именно церковный храм стала для большинства эмигрантов тем местом, где они могли глубже заглянуть в себя, вдали от каждодневной суеты, от трагедии одиночества, обратиться к Богу, вспомнить прошлое. Церковь стала тем самым важным звеном, которое связывало их с Россией.

Так, впервые Надежда Городецкая знакомится в Париже с религиозным философом Николаем Михайловичем Зерновым. В эмиграции Городецкая

становится глубоко верующей православной христианкой. Она часто сама выступает с докладами во Франко-русской студии, на семинарах Николая Бердяева «Вера и творчество». Объявления о ее выступлениях можно неоднократно найти в газете «Возрождение», где печатаются ее очерки, рассказы. Интересны ее интервью, которые она умело проводит с писателями и поэтам русского Зарубежья. Городецкая умеет не только поставить правильный и четкий вопрос, вызвать интерес к затронутой ею теме, но и описать своего собеседника, ту обстановку, в которой проходит беседа, создавая при этом живую картинку из жизни литератора.

За время проживания в Париже Надежда Городецкая опубликовала три романа, около сотни рассказов и очерков. Темы ее рассказов были самыми разными, но в каждом из них незримо присутствовал сам автор — тонкий лирик, мистик, наблюдатель и сопережеватель происходящего. Талант молодой писательницы заметили и оценили видные прозаики — Б. Зайцев, А. Куприн, такие критики русского зарубежья, как М. Цетлин, П. Пильский, Ю. Мандельштам. О ее творчестве А. Куприн писал следующее: «Русский язык, которым пользуется Городецкая, можно определить как природный, богатый и, самое главное, оригинальный». Литературный критик Петр Пильский так охарактеризовал творчество Надежды Городецкой: «У Городецкой – хороший почерк, она умеет видеть и изображать увиденное. В ее книге нет фальши, она правдива. Это не захватывающий, не уносящий головокружительный роман, но это хорошо и искренне написанная повесть, тихий рассказ о тихой жизни».

Романы Городецкой были переведены на пять языков, так как представляли интерес для иностранного читателя, давали ему возможность понять те трудности, с которыми сталкивались люди, попавшие в новую, необычную для них среду. «Для французов будет небезынтересно узнать, какие уколы терпит эмигрантское самолюбие от сознания своего материального неравенства с уроженцами приютившей нас страны… Иностранец, прочитавший роман, получит без сомнения правильное представление о наших молодых», – писал Юрий Мандельштам о романе Городецкой «Дети в изгнании», написанного автором по-французски.

В 1930 году друг Н. Городецкой, философ Н. М. Зернов уезжает учиться в Оксфорд, где он поступает в аспирантуру. В Оксфорде он через два года защищает диссертацию «Единство церкви и соединение церквей». Некоторое время Зернов

живет в Англии, часто наведываясь в Париж, но в 1934 году он решает окончательно поселиться в Англии. Теперь он часто приглашает сюда русских ученых-философов выступать с докладами. Среди них Булгаков, Флоренский, Бердяев, Городецкая. В том же году по приглашению Зернова и его жены Надежда Даниловна переезжает на постоянное жительство в Англию, где продолжает свое религиозное образование в богословском колледже в Бирмингеме, готовящего миссионеров. Одновременно она начинает преподавать там же на кафедре русского языка и литературы. По окончании учебы в колледже, Городецкая едет в Оксфорд для завершения своего образования, где и получает степень бакалавра по богословию. Она продолжает много писать и публиковать свои работы в периодической печати на русском и английском языках. Философские труды Городецкой отличаются глубиной и оригинальным подходом к разрабатываемой теме. В. Вейдле так характеризует в «Современных записках» за 1939 год одну из работ Городецкой «Униженный Христос в современной русской мысли»: «Работу Н. Д. Городецкой надо рассматривать, прежде всего, как обширное и тщательное собрание материалов, — ценное, отнюдь, не для одного только иностранного читателя, — на тему чрезвычайно важную для понимания России и русской литературы, но которую у нас, в плане описательном и историческом, не разрабатывал еще никто».

В 1944 году она защищает докторскую диссертацию в Оксфорде и по приглашению Н. М. Зернова читает там лекции по богословию. В 1956 году Надежда Даниловна в 55-летнем возрасте становится первой женщиной, получившей пост профессора на русской кафедре в Ливерпуле. Еще почти 30 лет, до самой смерти, Городецкая много работает, пишет, оставив после себя огромное литературное наследие. Ее книги недавно были изданы в России: «Спор поколений», «Католическая литература» и интервью с писателями русского зарубежья, среди которых А. Куприн, А. Ремизов, М. Алданов, Б. Зайцев, В. Ходасевич, И. Шмелев, Н. Тэффи, М. Цветаева, И. Бунин.

Елена Дубровина

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Комитет «Русское наследие в Соединном королевстве» в рамках **V Международного детско-юношеского конкурса литературного и художественного творчества** приглашает к участию творческую молодёжь и предлагает тему: **«К Российско-британскому году музыки. Семь нот между Россией и Британией: взаимодействие в области культуры, искусства и педагогики».**

Российская культура, музыка, хореография пользуются особой популярностью в Великобритании. Очень отрадно, что культурные связи России и Великобритании поддерживаются от поколения к поколению. Основной задачей старшего поколения в любые времена было умение прививать юным умам любовь к прекрасному, знакомить с историей становления выдающихся талантов мира искусства. Надеемся, что тема проекта V международного детско-юношеского конкурса станет для Российских Соотечественников творческим стартом на удивительном пути знакомства подрастающего поколения с лучшими из лучших мира Искусства на примере двух стран — России и Великобритании. ***Работы принимаются до 10 мая!*** Победители будут объявлены 2 июня в Лондоне, в представительстве Россотрудничества.

По всем вопросам об условиях конкурса пишите по адресу:

russianheritagecontest@gmail.com

ОБЪЯВЛЕНИЕ

”РУССКОЕ НАСЛЕДИЕ В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ”

приглашает принять участие в работе

Шестой международной научно-практической конференции

«Русское наследие в современном мире. История. Культура. Идентичность»

2 июня 2019 года

Россотрудничество, г. Лондон, Великобритания,

(First floor, 37 Kensington High Street, London W8 5ED, UK)

Приглашаются все интересующиеся историей российско-британских отношений, российским присутствием за рубежом и русской эмиграцией.

Русское наслѣдіе

Главный редактор Юлия Пляукшта
Арт-директор и дизайнер Мария Афицинская-Львова
По вопросам публикации материалов и размещения рекламы обращаться - russianheritageintheuk@gmail.com
Журнал “Русское наследие” принимает материалы на русском и английском языках.
При использовании материалов журнала ссылка на источник обязательна.